1) имя восходит к страдательному причастию βαλόμενος (гл. βάλλω — «бросать», аор. ἐ βαλον), что в переводе значит «брошенный, поруганный, отвергнутый»;

2) имя восходит к глаголу βούλομαι — «хотеть, желать» с формами ὁ βουλόμενος — «всякий желающий, первый встречный»; и τό βουλόμενον — «желание, намерение, решение».

Интересно, что значения обоих вариантов имени не случайны и умозрительны, а соответствуют функции героя в повествовании, называют ее. В этом можно убедиться и на втором примере. Имя королевны «Полиместра» восходит к ἡ πολυμνήστη (от гл. μναομαι — «свататься») и имеет значение «многосватанная», к которой многие сватались или сватаются, объект сватовства. Здесь мы снова видим прием называния героев по их функциям, прием, широко использовавшийся в русской и мировой литературе.

Казалось бы, имя французского короля «Карлус» противоречит нашей гипотезе греческого происхождения имен. В самом деле, перед нами ярко выраженный латинизм. Однако не исключено, что в процессе переписывания имя претерпело какие-то изменения и в архетипе повести звучало иначе. В пользу этого говорит тот факт, что в списке БАН, 45.8.170 (I ред.) имя короля ни разу не встречается в форме «Карлус», а только «Корлус» или «Курлус»; т. е. «Карлус» скорее всего не является исконной формой, и не исключено, что это имя возникло из какого-то другого по аналогии с именем французского короля Карла Великого. Если, несмотря на всю гипотетичность наших рассуждений, попытаться найти греческие соответствия имеющимся вариантам имени французского короля, то мы опять-таки получаем определенную функциональную значимость грецизмов.

ὁ κάρος — глубокий сон;
ὁ κύριος — имеющий силу, власть;
ὁ κύριος — господин, глава семейства, царь.

Еще большие изменения претерпело имя чешского короля: Апанимдов—Мстислав—Станислав. Здесь практически невозможно восстановить изначальную форму, так как вряд ли «Апанимдов» является исконным вариантом. Приведем примеры ближайших возможных соответствий:

ἀπαναίνομαι — отрицать, отказывать;
ἀπονέμω — воздавать;
ἀπονήμενος — имеющий пользу, выгоду.

Если трактовка последних двух имен не выходит за рамки предположений, то имена главных героев бесспорно восходят к греческому языку, а их функциональная нагрузка свидетельствует о сознательности, преднамеренности их употребления в повести.

Только во II редакции объясняется, истолковывается «прозвище» героя: «...зело дабродeлен и прекрасен зело, а власы у него, аки злато, сияют. И таковыя ради его красоты прозва его отец Златовласом, понеже у него власы, аки злато, сияют». И хотя это толкование повторяется, хотя на нем акцентируется таким образом внимание читателя, но оно не звучит достаточно убедительно. У эпического героя или героини могут быть золотые волосы, но они всегда выполняют в повествовании какую-то определенную функцию.[26] Здесь такая важная примета героя (золотые

[26] Так в сказке «Иван, вдовинский сын и Гриша» королевна в похожей ситуации (герой нанимается садовником) обращает внимание именно на золотые волосы героя. Е. А. Чудинский. Русские народные сказки, прибаутки и побасенки. М., 1864, стр. 17—18.